

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

К. МУЗДЫБАЕВ

ПЕРЕЖИВАНИЕ БЕДНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ НЕУДАЧИ: АТРИБУЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ И ИНДИКАТОРЫ ДЕПРИВАЦИИ

Бедность является формой экономической депривации. В то же время понятие «бедность» содержит в себе ценностные элементы. Малоимущие страдают не только из-за нехватки средств к существованию. Быть бедным — значит быть социальным аутсайдером, носить клеймо «неполноценного» или «нижестоящего» члена общества. И сами обездоленные зачастую соглашаются с такой оценкой. Сниженная самоконцепция может блокировать мотивацию личности, парализовать ее волю в конечном итоге сформировать фатальное отношение к жизни, способствующее укоренению бедности. Таким образом, бедные испытывают моральное давление со стороны обеспеченных слоев общества: высокомерное отношение, порой даже осуждение. Негативные установки порождаются, по крайней мере, двумя обстоятельствами. С одной стороны, бедность представляет собой реальное бремя для общества, а с другой — существует достаточно распространенная точка зрения, что нуждающиеся сами не прилагают достаточных усилий, привыкнув к беззастенчивой зависимости от общества.

В данной работе анализируются результаты исследования переживания бедности в период экономических реформ в России в 90-е годы. Особое внимание уделяется типичным формам атрибуции ответственности за бедность и стратегиям совладания с материальными трудностями у респондентов трех групп: «традиционно бедных» (всегда живших бедно), «новых бедных» (бедных с 1992 г., то есть с начала реформы) и «обеспеченных».

Муздыбаев Куанышбек — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН. **Адрес:** 198005 Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14. **Телефон:** (812) 316-7568. **Факс:** (812) 316-2929. **Электронная почта:** ego@sociology.nw.ru
Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, грант № 97-06-08071 и Фонда Джона и Кэтрин Макартур.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Понятие бедности. Бедность — это скудность, недостаточность чего-то. Жить в бедности — значит не иметь средств, необходимых для поддержания жизни: покупки одежды, пищи, домашнего имущества, жилья и т. п. Однако определение и измерение бедности вызывают ожесточенные дискуссии. Это вызвано не столько желанием или нежеланием помочь нуждающимся или строго научными соображениями, сколько политическими интересами, практическими проблемами, связанными с распределением бюджета и определением размера налогов и др. Различают абсолютную и относительную бедность. Термином «абсолютная бедность» обычно обозначают отсутствие ресурсов, необходимых для выживания. В этом смысле величина прожиточного минимума в России, с ноября 1992 г. связываемая с минимальным уровнем жизненных условий, по сути, тождественна понятию «абсолютная бедность» [1, с. 55]. Материальная бедность не является синонимом абсолютной: при определении абсолютной бедности намеренно абстрагируются от того, что человек живет в сети социальных отношений и имеет множество потребностей и обязанностей, связанных с социальными узами. Термин «относительная бедность» оценивает уровень потребления нуждающихся с учетом принятых в данном обществе средних стандартов потребления [2, р. 46–49]. В этом смысле бедность интерпретируется как аспект социального неравенства или социальной справедливости, жить в бедности означает «быть лишенным тех возможностей, которые открыты другим людям в этом обществе» [3, р. 79]. Для социологов, изучающих относительную бедность, важны не столько ограниченность ресурсов, сколько отсутствие выбора соответствующего образа жизни, невозможность удовлетворения социальных ожиданий. Таким образом, если абсолютная бедность является условием крайней экономической недостаточности, то относительная бедность представляет собой менее выгодное положение в социальном контексте.

Выделяются также объективная и субъективная бедность. Для определения степени бедности можно использовать «объективные» научные данные, например, результаты медицинских исследований о рациональных нормах потребления продуктов питания. Бедность в субъективном смысле определяется в терминах восприятия и переживания людьми своей ситуации. Субъективное чувство бедности способствует формированию специфической самоконцепции личности (восприятия себя, своего социального статуса и т. п.), особых социальных ожиданий и аттитюдов людей. В то же время субъективное определение данного феномена, являясь аспектом группового или классового сознания, может породить понимание несправедливого, неприемлемого распределения ресурсов в обществе [4, р. 15].

Причины бедности. Теория каузальной (причинной) атрибуции изучает то, как рядовой человек объясняет поведение людей, взаимосвязи между поведением и его результатами, соотношение ситуационных и личностных переменных. Экспериментами установлено, что люди стремятся приписать причины жизненных событий либо внутренним характеристикам (способности, мотивации, личностные склонности), либо внешним силам (жизненные обстоятельства, особенность ситуации). Выявлен ряд закономерностей атрибутивных процессов. Люди часто недооценивают значение ситуационных переменных и переоценивают диспозиционные (личностные) влияния на

результаты деятельности. Обнаружено также, что объяснение своего поведения самим индивидом и интерпретация его поведения посторонним наблюдателем не всегда совпадают. Первый больше учитывает характеристики ситуации, а второй приписывает все, главным образом, личностным свойствам индивида, реже привлекая для объяснения ситуационные факторы. Отличаются и атрибуция ответственности за успехи и неудачи: успех чаще приписывается себе, неудача либо партнерам, либо обстоятельствам [5–8]. За последние три десятилетия атрибутивные теории получили широкое распространение [9–16]. Как показали результаты эмпирических исследований, проведенных в самых разных странах, все виды атрибуции причин бедности можно разделить на четыре типа: индивидуалистический, структурный, субкультурный и фаталистический.

Остановимся на индивидуалистическом объяснении, возлагающем ответственность за бедность на самого индивида. Бедность представляется следствием лени, слабости характера, личностной неадекватности, неправильного выбора, пьянства или иного рода человеческих недостатков. Поэтому, чтобы устранить экономическую и социокультурную депривацию, надо менять характеристики бедных (влиять на социализацию, мотивацию, повышать образовательный и квалификационный уровень и др.). Такое понимание корней явления нередко служит основанием для морального осуждения неимущих, что позволяет приписывать болезни общества наиболее незащищенным группам людей, прибегая к замещающей форме ответственности [17].

Второе популярное объяснение основано на убеждении, что бедность порождается несовершенством экономической, социальной и политической систем. Его называют структурным или социетальным объяснением, поскольку ответственность за бедность возлагается на общество, а не на индивида. Считается, что экономическая система не обеспечивает в достаточной мере работой всех желающих; конкурентная социальная структура неизбежно должна порождать неблагополучные группы людей. Бедность может стать также острой социетальной проблемой, если некоторые группы людей придерживаются точки зрения, что система распределения ресурсов не является справедливой. Так или иначе, структурное объяснение причин бедности содержит конфликтную перспективу. Решение проблемы видится либо в изменении социального устройства, либо в более высоком уровне социальной защиты.

Имеются и точки зрения, оправдывающие существование бедности. Функционалисты утверждают: это полезно для общества, наличие бедных создает уверенность, что непрестижная, грязная или опасная работа будет выполнена; неимущие покупают продукты и одежду, которую не захотели купить обеспеченные; и, наконец, самое главное, положение бедных должно заставить остальных работать усерднее [18].

Субкультурное объяснение бедности занимает промежуточное положение между приведенными выше типами объяснений. Приверженцы этого направления предполагают, что бедность формирует людей с уникальными личностными характеристиками (зависимых, с фаталистическим отношением к жизни, с чувством неполноценности, с низкой мотивацией и др.). Неимущие создают особые жизненные установки и нормы поведения, позво-

ляющие им приспособиться к условиям материальной недостаточности и в то же время способствующие укоренению бедности [19]. Главное в данном объяснении состоит в том, что субкультура бедности перманентно воспроизводит экономическую недостаточность из поколения в поколение. Поэтому такая субкультура является серьезной социальной проблемой.

Несмотря на то, что субкультурная теория бедности прямо не обвиняет малоимущих и не критикует социальные институты, она обладает стигматическими элементами, замыкаясь лишь на негативных характеристиках обездоленных. Безысходность такого объяснения экономической и социокультурной депривации часто отталкивает исследователей, хотя ряд его положений признаются релевантными [4, p. 20].

При фаталистическом объяснении причин бедности вина за нее возлагается на неконтролируемые субъектом факторы: на причуды судьбы, роковое стечение обстоятельств, болезни или отсутствие способностей и талантов. Словом, ответственность за бедность не несет ни сам индивид, ни социальная система; такая бедность считается «заслуженной», следовательно, общество должно оказывать помощь неимущим.

Индивидуалистическое и структурное объяснения бедности наиболее популярны. Так, в 1969 г. Дж. Фейгин провел исследование причин этого явления в Америке на национальной выборке из 1017 чел. [9, p. 95–97]. Он обнаружил, что свыше половины американцев выделяют в качестве причин бедности индивидуалистические факторы: отсутствие бережливости, собственное неимущие, отсутствие усилий с их стороны, низкий моральный уровень, пьянство. В меньшей мере американцы отмечали структурные факторы: низкую оплату труда в некоторых секторах экономики, недостаточное количество рабочих мест, отсутствие хороших школ. Фаталистические факторы занимают третье место в перечне причин бедности. Правда, некоторые из них были несколько похожи на индивидуалистические (отсутствие способностей и таланта у бедных, болезни и физические недостатки). Значимость судьбы имела в этом индексе совсем незначительный вес (8% респондентов). Конечно, Фейгин выявил и межгрупповые, религиозные, возрастные и др. различия в установках опрошенных. Здесь имеет смысл отметить лишь следующее: и бедные, и небедные в одинаковой мере считали ответственными за экономическую неудачу самих неимущих [9, p. 101]. Из исследования Фейгина вытекают два важных вывода. Первое: как экономический успех, так и экономическая неудача, по убеждению большинства американцев, являются личным делом каждого индивида. Стремясь индивидуализировать экономические и социальные проблемы, система ценностей этой страны содержит позитивные установки на успех как проявление добродетели, усердия, бережливости, дисциплины. За экономическую неудачу вина возлагается на самого человека. Бедность воспринимается как наказание за отсутствие позитивных качеств личности. Второе: выделение среди факторов, ответственных за бедность, прежде всего личностных качеств, свидетельствует, что американцы даже не предполагают реформировать государственную распределительную систему.

Выводы из исследования Фейгина имели огромное значение для понимания причин политической и экономической стабильности в стране. В самом деле, основу системы ценностей в Америке составляют ценности инди-

видуализма. Правительство должно не нарушать права индивидов, а, наоборот, защищать их. (В некоторых культурах, как известно, предпочтение отдается нуждам и интересам коллектива. Отсюда и связь самоконцепции личности с членством в группе.) Индивидуализм выражает также идеалы свободной конкуренции, равенства возможностей, следствием чего является личная ответственность каждого за собственные удачи и неудачи в жизни. Специальное контент-аналитическое исследование теленовостей в 1981–1986 гг. показало, что американские журналисты трактовали бедность главным образом как индивидуальное, а не социальное явление [20]. Индивидуалистическая точка зрения свойственна и научным исследованиям бедности. Х. Кербо проанализировал статьи, опубликованные в пяти социологических журналах с 1965 по 1975 гг., и установил, что большинство исследователей фокусировали свое внимание на описании характеристик малоимущих, вероятно, под влиянием доминантной социальной ценности. Он заключает: «То, что мы думаем и делаем относительно бедности, является в некоторой степени связанным с тем, что научные исследования говорят о природе бедности. Таким образом, существует циклический процесс, в котором наши культурные взгляды о бедности способствуют проведению исследований, которые впоследствии помогают поддерживать это культурное пристрастие» [21, р. 301–304]. Действительно, там, где преобладают ценности индивидуализма, люди чаще берут ответственность за экономические удачи и неудачи на себя. А там, где эти ценности отсутствуют, или там, где велико влияние социалистических идей, они чаще возлагают ответственность за бедность на структурные факторы. Так, в 1976 г. Европейское сообщество провело исследование восприятия бедности в девяти странах. В Великобритании, Ирландии и Люксембурге граждане чаще приписывали причины бедности самим малоимущим; в Италии и во Франции большинство обвиняло в этом общество; в Дании же опрошенные предпочли сослаться на судьбу [10, р. 71].

Общая классификация ответственности за бедность скрывает весьма серьезные межгрупповые различия, продиктованные имущественным положением или партийной принадлежностью респондентов. В исследовании Фейгина люди с низким доходом чаще видели корни экономического неблагополучия в структурных факторах. Дж. Мак и С. Лэнслей установили, что бедные чаще объясняют бедность общественной несправедливостью и значительно реже ссылаются на лень и отсутствие силы воли, чем небедные [22, р. 206]. За этими совершенно противоположными объяснениями вырисовываются две тенденции. Первое: ответственность за свой успех экономически удачливые респонденты приписывают самим себе, а не социальному устройству; экономически несостоятельные опрошенные, наоборот, в своих неудачах обвиняют социальную систему. То есть подтверждается один из законов теории атрибуции — успех приписывается себе, а неудачи — обстоятельствам (ведь бедность есть не что иное, как социальная неудача, тогда как богатство есть социальный успех). Второе: похоже, что наблюдатели (небедные) мало или вовсе не учитывают конкретные жизненные обстоятельства бедных и ответственность за бедность приписывают их личностным характеристикам, в то время как сами бедные чаще учитывают свои «объективные» жизненные условия и рассматривают себя в качестве жертв сложившейся ситуации.

Стали ли мы жертвами социетальных факторов или широко распространенная у нас бедность является результатом индивидуальных характеристик людей (пьянство, лень, отсутствие силы воли и старания), не известно. В марте 1996 г., по данным ВЦИОМ, 88,4% россиян утверждали, что они живут «бедно» или «скорее бедно» [23, с. 81]; о динамике бедности см. [24, с. 18]. Как отвечают на этот вопрос сами россияне.

Задачи и гипотезы исследования

Задачами нашего исследования являлись: определение типичных форм атрибуции ответственности за бедность и выявление факторов, препятствующих ее преодолению; сравнительный анализ стратегий совладания с материальными трудностями у бедных и у обеспеченных групп респондентов; определение степени депривации бедных, в особенности тех, которые перешли в это состояние в результате экономических реформ; выявление личностных и социальных детерминант бедности.

Мы исходили из предположений, что, во-первых, у российских граждан должно преобладать структурное объяснение причин бедности, поскольку в России всегда доминировала коллективистская ориентация и индивидуализм никогда не поощрялся институционально. Кроме того, такая тенденция объяснения должна усиливаться из-за экономического кризиса, являющегося порождением структурных, социетальных факторов, а не индивидуального выбора.

Во-вторых, поскольку стратегии поведения, ориентированные на обвинение в собственных неудачах внешних сил (даже при наличии объективных оснований), не являются адаптивными, у малоимущих слоев должны преобладать иррациональные, обвинительные стратегии, тогда как обеспеченные люди чаще должны использовать рациональные стратегии.

В-третьих, так как в результате длительного экономического кризиса в категорию бедных перешли новые группы людей, должны существовать некоторые различия в установках, стратегиях поведения, личностных характеристиках, социальном происхождении между «новыми бедными» и традиционно малоимущими группами людей.

В-четвертых, по сравнению с обеспеченными респондентами у бедных должны преобладать депрессивное настроение, негативная оценка своей жизни, низкое чувство возможного и, соответственно, неэффективные стратегии поведения.

Выборка исследования

Обследование проводилось в ноябре-декабре 1997 г. в Санкт-Петербурге. Опрошено 700 человек. Экспериментальный характер проекта требовал формирования целенаправленной выборки с равным количеством респондентов. В выборку были включены представители 7 социальных групп (приблизительно по 100 человек): 1) рабочие, 2) служащие бюджетных организаций, 3) служащие частного сектора, 4) руководители учреждений, 5) студенты, 6) безработные и 7) пенсионеры.

Структура выборки позволила изучать индивидуальные различия на группах с разными возможностями и разными ценностными ориентациями. Выборка контролировалась также по полу и возрасту. Пенсионеры опрашивались по месту жительства, безработные — в двух районных Центрах занятости населения,

остальные 500 человек — в 28 учреждениях (4 завода, 3 университета, 2 научно-исследовательских института, поликлиника, средняя школа, конструкторское бюро, общероссийская библиотека, аудиторская фирма, издательство, агентство недвижимости, юридическая фирма, компьютерная фирма, несколько торговых учреждений и др.).

В сентябре-ноябре 2000 г. в Петербурге было проведено повторное обследование 700 человек по аналогичной выборке и по идентичным методикам. Второй опрос проведен по месту жительства респондентов. В данной статье анализируются данные первого исследования. Для подтверждения устойчивости данных в ряде случаев приводятся результаты второго исследования.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящего проекта все основные переменные изучались с помощью специальных шкал и психологических тестов. С целью изучения атрибуции ответственности за бедность нами адаптирована методика Дж. Фейгина. В оригинальном варианте шкалы содержалось 11 причин бедности. Учитывая особенности нашей социально-экономической ситуации, были добавлены еще три пункта (полный список индикаторов см. в табл. 1). Респонденты оценивали каждую вероятную причину по 4-балльной шкале.

Чтобы выявить стратегии совладания с материальными трудностями, нами была разработана шкала, состоящая из 40 вопросов. Выявлены 14 основных стратегий:

- 1) «Стратегия отстраненного принятия ситуации» — пассивное принятие человеком сложившихся жизненных обстоятельств;
- 2) «Стратегия пассивной надежды» — ожидание какого-то события или надежда на чудо;
- 3) «Стратегия стойкости и самообладания» — сдерживание чувств и борьба для преодоления материальных затруднений;
- 4) «Стратегия поиска социальной поддержки» — обращение за помощью к родственникам, знакомым, в государственные или иные учреждения и проч.;
- 5) «Стратегия самовыживания» — отказ от платных услуг и переход на самообеспечение (работа на садовом участке, изготовление необходимых вещей или их ремонт собственными силами);
- 6) «Стратегия личностной адаптации» — стремление изменить что-то в себе, чтобы преодолеть критическую ситуацию;
- 7) «Рациональная когнитивная стратегия» — анализ ситуации, разработка плана действий и т. п.;
- 8) «Рациональная поведенческая стратегия» — попытки найти дополнительный заработок, более высокооплачиваемую работу и др.;
- 9) «Стратегия позитивного мышления» — концентрация на важных, полезных сторонах своей деятельности;
- 10) «Стратегия атрибуции вины на себя и на других» — поиск виновных, обвинение себя или кого-нибудь другого в неблагоприятном исходе событий;
- 11) «Стратегия избегания» — попытки скрыть свои затруднения или избегать общения;
- 12) «Стратегия депривационной адаптации» — жесткая экономия, продажа личных вещей;
- 13) «Стратегия смирения и бездействия» — сон, принятие лекарств, молитва;

14) «Стратегия бесплодного мечтания» — преодоление трудностей в мечтах.

Использовались также следующие шкалы и индикаторы. Индикаторы депривации и достатка включают 36 вопросов: 18 из них выявляют степень депривации или достатка в 18 сферах жизни (см. перечень в табл. 9), другие 18 определяют длительность депривации или достатка. Индикаторы жизненных перемен содержат вопросы об изменениях в материальном и социальном положении, во взаимоотношениях с окружающими, изменения мнений о самом себе, а также о том, стала ли жизнь у респондента лучше или хуже, удалось ли ему найти место в жизни и др. (см. табл. 7). Общая оценка жизни включает вопросы, связанные с тем, в какой мере респондент счастлив, насколько он удовлетворен своей жизнью; как бы он оценил свое настроение в последние дни; в какой мере чувствует усталость; в какой мере чувствует себя отвергнутым, забытым в обществе; удовлетворен ли он своим материальным и социальным положением (подробнее см. табл. 8). Личностные шкалы: шкала оптимизма измеряет диспозиционный оптимизм, определяемый как ожидания личности относительно благоприятного исхода будущих событий [25, р. 225]; шкала диспозиционной надежды — ожидания, связанные с достижениями цели [26; 27]; шкала локуса контроля — интернальность или экстернальность источника управления обстоятельствами своей жизни [28; 29]; шкала веры в справедливый мир — мнение о том, насколько люди получают то, что заслуживают [30]; шкала эгоизма — склонность добиваться своих целей, игнорируя интересы и чувства других людей [31]; шкала самоуважения — позитивность или негативность аттитудов по отношению к себе [32, р. 100]. Для измерения веры в справедливый мир и самоуважения личности мы взяли методики Рубина и Пеплау (1975) и Розенберга (1965); использовалась лишь часть вопросов, выделенных авторами как основные или имеющие самые высокие факторные нагрузки (по три вопроса в каждой, на основе которых были образованы индексы). Такое «расщепление» методик в нашем случае объяснялось необходимостью не перегружать опросный лист. При повторном исследовании в 2000 г. была использована полная версия обеих шкал.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Атрибуция ответственности за бедность. Каковы причины, способствующие росту числа бедных в России (табл. 1). В перечне основных причин бедности доминируют структурные факторы. Сюда прежде всего входят: неэффективное управление государством и экономикой (79%), низкая оплата труда (79%), отсутствие рабочих мест (68%), отсутствие хороших школ (61%) и несправедливость в распределении ресурсов (59%). У большинства опрошенных нет никакого сомнения в том, что именно несовершенство (если не болезни) общественного устройства виновно в распространении бедности в стране. Нашему обществу, по мнению 24% опрошенных, не чужды также дискриминация и предубежденное отношение к некоторым группам людей при приеме на учебу, на работу, при продвижении по службе или при оплате труда. Только во вторую очередь ответственность за бедность возлагается на индивидуальные факторы — лень, пьянство и общее падение нравов. Причем дефицит морали оказался почти в два раза важнее, нежели от-

сутствие мотивации достижения. Значительна доля и тех опрошенных, которые относят вину за бедность к фаталистическим, неуправляемым обстоятельствам. Свыше одной трети респондентов видели причины экономической депривации в болезнях и физических недостатках, отражающихся на трудоспособности человека (37%).

Почти для каждого пятого опрошенного причиной бедности представляется укоренившаяся, передающаяся из поколения в поколения бедность в стране (21%). Из четырнадцати причин бедности, приведенных в табл. 1, нами были образованы три индекса атрибуции ответственности (фаталистическая, структурная, индивидуалистическая), величина которых колеблется от 1 до 4 (см. табл. 2).

Средняя величина индекса структурной атрибуции ответственности за бедность — 3,41, индивидуалистической — 2,77, фаталистической — 2,41. Различия средних величин статистически значимы при $P < 0,001$. Такой порядок возложения ответственности за бедность устойчиво сохраняется во всех социально-демографических группах. Таким образом, большая часть опрошенных приписывают ответственность за бедность несовершенству общественного устройства и считают, что сокращение числа неимущих зависит, прежде всего, от позитивных перемен в общественной системе, а не от перемен в характере и поведении людей.

Отметим некоторые групповые различия. Рабочие, безработные и пенсионеры чаще приписывают ответственность за бедность структурным факторам; реже обвиняют социальную систему в порождении бедности студенты, руководители учреждений, служащие и государственного, и частного секторов экономики. Фаталистическими обстоятельствами жизни чаще всего объясняют бедность снова рабочие, безработные и пенсионеры; реже всего указывают на данный фактор также студенты, служащие и руководители. Ответственность за бедность на самого индивида чаще всего возлагают на статистически значимом уровне только рабочие, а реже всего — руководители и служащие.

При анализе половозрастных различий в атрибуции ответственности за бедность обнаружено следующее: женщины чаще объясняют бедность фаталистическими и структурными факторами, чем мужчины ($P < 0,05$); респонденты старше 50 лет в большей степени приписывают ответственность за бедность социальным и фаталистическим факторам, чем те, кому менее 30 лет ($P < 0,001$).

47,1% опрошенных сообщили, что они живут бедно или скорее бедно. В табл. 3 приведены ответы на вопрос: «Если вы считаете свою семью бедной, то, как вам кажется, что не позволяет вашей семье подняться над чертой бедности?». 72,2% традиционно бедных и 66,9% новых бедных считают, что главным препятствием являются «постоянные материальные трудности в семье». (При повторном опросе в 2000 г. респонденты снова поставили эту причину на первое место.)

Понятно, что отсутствие ресурсов, в свою очередь, служит препятствием для получения образования, для повышения профессиональных навыков и др. Чтобы выбраться из бедности, нужны и моральные, и интеллектуальные, и материальные инвестиции, которых не может позволить себе большинство малоимущих.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о причинах бедности в России

С — структурная, И — индивидуалистическая, Ф — фаталистическая причина (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г., N = 700, %)

	Причины бедности	Очень важно	Отчасти важно	Не важно	Трудно сказать
С	Неумение правительства эффективно управлять экономикой страны	79,0	13,9	1,1	6,0
С	Низкая оплата труда в некоторых сферах народного хозяйства	78,6	15,6	0,9	4,9
С	Просчеты в государственном управлении	78,5	14,0	1,0	6,4
С	Неспособность правительства обеспечить всех работой	68,4	20,4	4,7	6,4
С	Несостоятельность общества в обеспечении большинства граждан хорошими школами	60,5	25,8	4,9	8,9
С	Все льготы и привилегии присвоены чиновниками и богатыми людьми	59,4	18,6	9,1	12,9
И	Лень и пьянство, падение нравов	50,3	32,7	7,6	9,3
Ф	Болезнь или физические недостатки, отражающиеся на трудоспособности	36,5	38,8	14,5	10,0
И	Отсутствие усилий и старания со стороны самих бедных	25,9	38,6	15,2	20,3
С	Предубеждение и дискриминация некоторых групп населения (например: при приеме на учебу, на работу, в продвижении по службе или в оплате труда)	23,9	28,8	24,7	22,6
Ф	Традиционная, укоренившаяся бедность в масштабе страны	20,7	29,8	17,0	32,5
И	Отсутствие бережливости и умения тратить деньги у самих бедных	14,8	29,5	29,5	26,2
Ф	Отсутствие способностей и талантов у бедных людей	9,5	26,4	37,7	26,5
Ф	Просто невезение или такая судьба	7,0	27,1	36,8	29,1

Таблица 2

Средние величины атрибуции ответственности за бедность

Социально-демографические группы	N	Фаталистическая		Структурная		Индивидуалистическая		Разность средних оценок	
		M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	M ¹ -M ³	M ² -M ³
Служащие частного сектора	98	2,21	0,58	3,33	0,49	2,69	0,80	-0,48*	0,64
Служащие государственного сектора	101	2,29	0,57	3,30	0,55	2,66	0,71	-0,37*	0,64*
Руководители	102	2,28	0,58	3,29	0,60	2,56	0,81	-0,28**	0,73*
Студенты	100	2,23	0,59	3,25	0,51	2,87	0,62	-0,64*	0,38*
Безработные	100	2,61	0,53	3,57	0,44	2,88	0,78	-0,27**	0,69*
Рабочие	98	2,68	0,60	3,62	0,42	2,94	0,65	-0,26**	0,68*
Пенсионеры	98	2,57	0,58	3,54	0,43	2,77	0,79	-	0,77*
								0,20***	
Мужчины	343	2,34	0,62	3,37	0,52	2,74	0,78	-0,40*	0,63*
Женщины	354	2,47	0,58	3,45	0,50	2,79	0,71	-0,32**	0,66*
29 лет и меньше	234	2,28	0,59	3,26	0,53	2,79	0,74	-0,51*	0,47*
30–49 лет	275	2,42	0,61	3,46	0,51	2,75	0,76	-0,33*	0,71*
50 лет и старше	188	2,56	0,59	3,54	0,45	2,76	0,76	-0,20**	0,78*
Вся выборка	697	2,41	0,61	3,41	0,52	2,77	0,75	-0,36*	0,64*

Примечания: 1. M — среднее, σ — стандартное отклонение. 2. *P < 0,001; **P < 0,01; ***P < 0,05.

Второе место в ответах как в 1997, так и в 2000 г. заняло «отсутствие связей, знакомств». Показательно, что на данное препятствие чаще указывают те, кто приобрел статус бедных в ходе либерализации экономики страны. Похоже, что способ получения высокодоходного места посредством неформальных связей традиционен в России; вероятно, он является наиболее эффективным³. Является ли такая тенденция особенностью социальной стратификации новой России, трудно сказать. Однако, по данным американских социологов, связывание повышения социального и экономического статуса с наличием

³ «Жалованье маленькое, — сетует герой пьесы Островского «Бедность не порок», — от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекают, точно я виноват... а жалованье не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомств-то...» [33, с. 230]. Специалисты, изучавшие роль неформальных контактов для получения доступа к разнообразным ресурсам (источникам дохода, услугам, товарам) путем обхода официальных процедур, приходят к выводу, что и в наше время использование связей и знакомств продолжает оставаться эффективным способом решения проблем [34, с. 111]. Е.А. Хибовская проанализировала способы поиска работы в случае ее потери в России и в 12 странах Европейского сообщества. Если в среднем 64% европейцев обращаются за помощью в государственные службы занятости, то лишь 24% россиян поступают так. Однако по сравнению с европейцами наши граждане чаще предпочитают обращаться за помощью к друзьям, родным или знакомым: соответственно в среднем 8% и 40% [35, с. 40–41].

связей и знакомств свойственно людям с более низким социально-экономическим статусом. Люди же с более высоким социально-экономическим статусом склонны верить, что продвижение по служебной и социальной лестнице зависит от способностей и качества выполняемой работы [8, с. 303].

Каждый седьмой из группы «новые бедные» ссылается на «незнание и неумение выбраться из такой ситуации». Это практически признание безысходности ситуации, впрочем, как и первые два препятствия, поскольку и они не поддаются контролю и решению со стороны самих бедных. Бедные крайне редко называют низкий уровень образования, низкую квалификацию и, самое интересное, недостатки характера в качестве преград для преодоления бедности в своей семье. Однако, когда вопрос относился к причинам бедности в целом, почти каждый второй опрошенный указывал на лень, пьянство и падение нравов, а каждый четвертый отмечал отсутствие усилий и старания со стороны самих малоимущих, как детерминанты экономического неблагополучия. Наблюдается явная тенденция со стороны бедных не принимать на себя ответственность за материальную неудачу, а возлагать её на обстоятельства жизни, то есть на факторы, которые не поддаются, по их мнению, контролю и управлению. Таким образом индивид как бы освобождает себя от поиска более продуктивных способов преодоления перманентной недостаточности.

Таблица 3

Препятствия, мешающие семье подняться над чертой бедности
(Санкт-Петербург, 1997 и 2000 гг., % ответивших в каждой группе)

Препятствия, мешающие преодолеть бедность	Традиционно бедные N = 54	1997 г.		Все ответившие	
		Новые бедные N = 142	Обеспеченные N = 37	1997 г. N = 450	2000 г. N = 367
Постоянные материальные трудности в семье	72,2	66,9	16,2	57,9	54,8
Отсутствие связей, знакомств	22,2	36,6	21,6	29,8	28,1
Незнание и неумение выбраться из такой ситуации	11,1	14,1	18,9	15,3	12,3
Нежелание менять устоявшийся, привычный порядок жизни	7,4	5,6	21,6	12,7	14,4
Много иждивенцев	7,4	7,7	10,8	9,1	14,4
Лень, пьянство или иные неблагоприятные привычки в семье	0,0	1,4	8,1	4,7	4,6
Низкий уровень образования членов семьи	0,0	2,1	2,7	4,2	5,2
Отсутствие осознанной цели преодолеть бедность	5,6	2,1	2,7	4,0	7,1
Низкий уровень квалификации членов семьи	0,0	3,5	0,0	2,7	4,1
Опасение быть осужденным друзьями или родственниками	1,9	1,4	0,0	1,8	5,2
Опасение не быть принятым в чужой круг состоятельных людей	1,9	2,1	2,7	1,8	1,4

Зависимость атрибуции ответственности от экономического успеха или неудачи мы можем рассмотреть по более прямым индикаторам. С этой целью из нашей выборки мы образовали группу преуспевших людей и группу людей, потерпевших неудачу в ходе экономической реформы, ответы которых удовлетворяли одновременно четырем критериям. В группу преуспевших вошли те, у кого материальное и социальное положение улучшилось в результате реформы, те, кто в целом стал жить лучше, и те, кто не чувствует себя отвергнутым в обществе (82 чел.). В группу потерпевших неудачу вошли те, кто именно в период реформы ухудшил материальное, социальное положение, те, кто в целом стал жить хуже, и те, кто чувствует себя отвергнутым в обществе (109 чел.). Среднедушевой доход в месяц в группе потерпевших неудачу в ноябре 1997 г. (когда проводился опрос) составил 448 тыс. руб. (\$77 США), а в группе преуспевших — 1506 тыс. руб. (\$260 США). Величина же прожиточного (физиологического) минимума равнялась в тот месяц 463,9 тыс. руб. (\$80 США) [36, с. 403].

Как показывают данные табл. 5, преуспевшие в ходе экономической реформы (по сравнению с потерпевшими неудачу) реже возлагают вину за бедность на структурные, институциональные причины, меньше апеллируют к неконтролируемым, фаталистическим факторам. Удачливые респонденты значительно чаще, чем неудачливые, приписывают вину за бедность личностным характеристикам самих неимущих. Потерпевшие неудачу больше обвиняют в своей несостоятельности социальное устройство, склонны приписывать вину за бедность роковому стечению обстоятельств; значительно реже они возлагают ответственность за материальную неудачу на личностные характеристики самих бедных. Все сопоставления статистически значимы.

В какой же мере отличаются атрибуции ответственности за экономическую недостаточность тех, кто всегда жил бедно («традиционно бедные»), от атрибуции ответственности тех, кто стал бедно жить в результате либерализации экономики («новые бедные»), и от атрибуции тех, кто обладает достаточными материальными ресурсами («обеспеченные»)? Для изучения этого вопроса мы образовали три такие группы. В группу «традиционно бедных» включались респонденты, данные которых удовлетворяли четырем критериям: 1) материальное состояние семьи оценивается как бедное или скорее бедное; 2) всю жизнь питаются плохо или скромно, покупая продукты подешевле; 3) всю жизнь одеваются плохо или скромно, покупая вещи подешевле; и 4) имеют среднедушевой доход в месяц не выше прожиточного (физиологического) минимума. В группу «новых бедных» попали респонденты, данные которых удовлетворяли также четырем критериям: 1) они оценивали материальное состояние своей семьи как бедное или скорее бедное; 2) питались скромно или плохо, покупая продукты подешевле, с 1992 г.; 3) одевались скромно или плохо, покупая вещи подешевле, с 1992 г.; и 4) имели среднедушевой доход в месяц не выше прожиточного (физиологического) минимума. Группа «обеспеченных» состоит из респондентов, которые: 1) оценивали материальное состояние своей семьи как богатое, скорее богатое или среднее; 2) питались хорошо, не ограничивая себя почти ни в чем; 3) одевались хорошо, не ограничивая себя почти ни в чем. Среднедушевой доход в группе «обеспеченных» равнялся 1236 тыс. руб. в месяц, что почти в три раза выше, чем в группах бедных.

Атрибуции ответственности новых и старых бедных статистически не различаются. По сравнению с обеспеченными людьми малоимущие в большей мере склонны возлагать вину за бедность на структурные факторы или объяснять экономическую недостаточность фаталистическим стечением обстоятельств. Другими словами, как новые, так и старые малоимущие считают, что состояние бедности в нашей стране скорее свидетельствует о возможностях и механизмах социальной системы, чем о личностных характеристиках самих бедных (ниже мы увидим, что это не совсем так). В результате, по данным нашего второго исследования, проведенного в 2000 г., 92,3% новых бедных были за изменение системы распределения благ по стране (против 3,8%)⁴. Большинство обеспеченных также оказались недовольны системой распределения, но все-таки в меньшей степени, чем новые бедные: 67,3% обеспеченных были за изменение системы распределения, 14,6% — против. Разница процентов значима при $P < 0,001$.

Вполне вероятно также, что масштабы депривации и чрезмерная длительность экономически тяжелого положения в стране формируют у беднейших групп населения фаталистическое объяснение причин бедности. Именно хронический экономический кризис, возможно, заставляет представителей всех этих трех групп в одинаковой мере меньше возлагать ответственность за экономическую неудачу на индивидуалистические факторы. В то же время необходимо иметь в виду и эмпирически установленную ранее большую склонность представителей низших классов объяснять свой социально-экономический статус внешними причинами [37].

Личностные характеристики малоимущих и атрибуция ответственности за бедность. Рассмотрим теперь зависимость атрибуции ответственности за бедность от ряда личностных характеристик респондентов. Это важно для понимания того, какие качества личности позволяют индивидуализировать экономический успех или неудачу и тем самым брать на себя ответственность за них, а какие качества помогают индивиду освободиться от ответственности за свое материальное положение. Бедные из обеих групп оказались более экстернальными, чем обеспеченные респонденты ($P < 0,001$). Хуже того, бедные являются более экстернальными на статистически значимом уровне и по сравнению со средней величиной по всей выборке ($P < 0,01$). Обеспеченная же группа, напротив, проявляет большую интернальность по сравнению со средней величиной всех опрошенных ($P < 0,001$). Таким образом, как новые, так и традиционно бедные по своему характеру склонны считать, что обстоятельствами жизни управляют внешние силы и, следовательно, ответственность и за успехи, и за неудачи следует возлагать на внешние факторы. Обеспеченные же люди, наоборот, верят, что обстоятельствами своей жизни управляют они сами и склонны приписывать ответственность как за успехи, так и за неудачи самим себе, а не окружению или внешним силам (см. табл. 4). Например, выявлено, что 80% традиционно бедных и 72% новых малоимущих не в состоянии улучшить свое социальное положение. Кроме того, 87% старых и 73% новых бедных ут-

⁴ Во втором исследовании число новых бедных возросло до 182 чел., а число традиционно бедных упало до 7 чел. Поэтому для сопоставления здесь и далее приводятся данные только о новых бедных.

верждали, что не могут улучшить свое материальное положение. Большинство же обеспеченных респондентов, напротив, убеждены, что смогут улучшить и материальное (65%), и социальное положение (57%).

При повторном обследовании в 2000 г. мы вновь получили данные, подтверждающие большую склонность обеспеченных верить, что жизненные успехи и неудачи являются результатом их собственных усилий и способностей ($M = 10,83$, $\sigma = 3,92$), тогда как новые бедные опять проявили большую экстернальность локуса контроля, то есть неспособность контролировать обстоятельства своей жизни ($M = 9,44$, $\sigma = 3,52$, значимость средних при $P < 0,001$). 75% новых бедных уверены, что не могут улучшить свое материальное положение (77% не могут улучшить и общественное положение). Большинство же обеспеченных считают, что могут изменить в лучшую сторону и материальное, и социальное положение (60% и 56% соответственно). «Интерналы» в большей мере возлагают ответственность за бедность на личностные характеристики самих малоимущих, тогда как «экстерналы» в меньшей степени обвиняют в экономической неудаче самих бедных, однако, они чаще, чем «интерналы», приписывают вину структурным и фаталистическим факторам (см. табл. 5). Итак, те опрошенные, которые считают, что имеют власть над обстоятельствами своей жизни, склонны индивидуализировать и причины бедности, в меньшей степени возлагая ответственность за нее на социальную систему. А те респонденты, которые по своему характеру не имеют власти над своей судьбой, напротив, стремятся причины бедности приписать структурным или фаталистическим факторам, целиком возлагая вину за экономическую неудачу на социальную систему или на судьбу.

С интернальным локусом контроля тесно коррелирует вера в справедливость мира. Автор этой концепции Лернер предположил, что у человека существует потребность видеть мир как место, где он получает то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает [38]. При такой логике суждений жизнь предстает понятной и предсказуемой без серьезных познавательных противоречий и эмоционального напряжения. Если же нет такой веры, когнитивный баланс нарушается, возникает и эмоциональное напряжение. Вот отчего, как показали эксперименты, люди, придерживающиеся высокой веры в справедливость мира, стремились обвинять самих жертв несчастья за их судьбу безотносительно причин, вызывавших такое их положение. Оказалось, что состоятельные респонденты с высокими баллами по шкале «вера в справедливый мир» воспринимают бедных как ленивых и заслуживающих свою судьбу. Больше того, когда бедные сами верят в справедливость мира, то они стремятся воспринимать свое положение, как заслуженное. Таким образом, согласно концепции «веры в справедливый мир», бедные обладают тем, что они заслуживают, соответственно и ответственность за экономическую депривацию возлагается на самих неимущих [12, р. 85–86]. Как сама концепция «веры в справедливый мир», так и ранее полученные другими исследователями выводы подтвердились и в нашей выборке (см. табл. 4). Средняя величина у новых и традиционно бедных по этой шкале значительно ниже, чем средняя по всей выборке ($P < 0,01$). Средняя же величина у обеспеченной группы, наоборот, существенно выше, чем средняя всей выборки ($P < 0,001$). Как и ожидалось, те респонденты, которые имеют высокие баллы по шкале «веры в справедливый мир» были склонны в большей сте-

пени приписывать причину бедности личностным характеристикам бедных и в меньшей степени обвинять структурные факторы, нежели опрошенные, имеющие низкие баллы по этой шкале (см. табл. 5). В 2000 г., когда мы предлагали респондентам полную версию шкалы «вера в справедливый мир», обеспеченные снова набрали более высокие баллы, нежели новые бедные: $M = 78,77$, $\sigma = 12,77$ и $M = 74,83$, $\sigma = 12,99$, при $P < 0,01$.

У бедных формируется определенный тип личности, характеризуемый большей частью низким чувством возможного, большим ожиданием неудачи, ограниченным потенциалом социальных навыков и др. По предположению Селигмана, бедность можно было бы уравнивать с беспомощностью [39, р. 159]. Низкий уровень дохода бедных, по его мнению, резко сужает выбор и часто оставляет неимущих незащищенными в такой мере, что редко кто сможет сохранить власть над обстоятельствами своей жизни. К тому же бедность есть явление долгосрочное, если не постоянное.

Неизменность экономической недостаточности со временем универсализируется, распространяясь на все сферы жизни. Хроническая же бедность — не только экономическая категория. Ее характеризует постоянство социальной неудачи. В итоге образуется контингент людей с низким ожиданием позитивных результатов, пессимистическим стилем поведения, капитулировавших еще до возникновения жизненных проблем. Не случайно, по нашим данным, среди бедных около трети считают себя неудачниками, тогда как среди обеспеченных таких единицы (2% обеспеченных, 31% новых бедных и 42% традиционно бедных). Однако большинство обеспеченных респондентов признается, что в жизни им сопутствовал успех (84%). Бедным же группам успех сопутствовал в значительно меньшей степени: 37% новым бедным и 33% традиционно малоимущим. В нашей анкете был также вопрос об ожидании благоприятных перемен или событий (на работе, в семье, в росте благосостояния и т. п.). Как мы и предполагали, больше ожидали позитивных событий обеспеченные (69%), существенно реже — бедные (45% традиционно бедные и 54% новые бедные).

Действительно, бедные обладают более низким чувством надежды на будущее и у них более низкий уровень оптимизма по сравнению со средними данными по всей выборке (см. табл. 4). Для обеспеченных в большей степени характерен позитивный взгляд на жизнь, утвердительная ориентация и ожидание счастливого исхода событий, то есть они более оптимистичны и обладают высокой степенью диспозиционной надежды⁵. Неудивительно, что обеспеченные в большей мере приписывают ответственность за бедность индивидуалистическим факторам, а неимущие — структурным или фаталистическим (табл. 5).

⁵ Через три года при повторном тестировании мы получили данные, подтверждающие наши ранние результаты. В отличие от новых бедных обеспеченные респонденты имели значительно более высокие баллы и по шкале диспозиционной надежды (соответственно $M = 21,40$, $\sigma = 3,89$ и $M = 25,00$, $\sigma = 3,64$, $P < 0,001$), и по шкале оптимизма ($M = 24,57$, $\sigma = 4,16$ и $M = 28,06$, $\sigma = 4,60$, $P < 0,001$).

Таблица 4

Личностные черты бедных и обеспеченных групп респондентов (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г.)

Личностные черты, шкальные позиции	Традиционно бедные, N = 55		Новые бедные, N = 144		Обеспеченные, N = 162		Разность средних оценок			Вся выборка, N = 700	
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	M ¹ -M ³	M ² -M ³	M ¹ -M ²	M	σ
Оптимизм (8→40)	23,02	3,84	23,37	4,30	28,21	4,83	-5,19*	-4,84*	-0,35°	25,38	4,84
Надежда (8→32)	20,04	4,06	21,16	4,22	24,75	3,70	-4,71*	-3,59*	1,12**	22,26	4,11
Локус контроля (1→23)	8,96	3,51	9,09	3,64	11,72	4,53	-2,76*	-2,63*	-0,13°	10,06	4,08
Вера в справедливый мир (3→21)	10,85	4,24	11,15	3,93	13,69	3,59	-2,84*	-2,54*	-0,30°	12,27	4,00
Самоуважение (4→12)	9,16	1,42	9,65	1,32	10,75	1,24	-1,59*	-1,10*	0,49**	10,03	1,42
Эгоизм (10→70)	36,17	13,39	34,29	10,32	40,08	11,48	3,91**	-5,79*	1,88°	36,36	10,85

Примечание: *P < 0,001; **P < 0,05; ***P < 0,10; °не значима.

Таблица 5

Средние величины атрибуции ответственности за бедность респондентами из разных социальных групп (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г.)

Социальные группы	N	Фаталистическая		Структурная		Индивидуальная		Значимость средних между группами		
		M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	P ¹	P ²	P ³
Интерналы	180	2,38	0,64	3,36	0,55	2,89	0,74			
Экстерналы	239	2,46	0,58	3,48	0,49	2,71	0,70	0,20	0,05	0,05
Оптимисты	224	2,25	0,61	3,32	0,54	2,72	0,77			
Пессимисты	184	2,47	0,59	3,55	0,45	2,74	0,70	0,001	0,001	н.з.
Высокая надежда	199	2,36	0,66	3,38	0,54	2,83	0,78			
Низкая надежда	233	2,47	0,57	3,47	0,49	2,68	0,70	0,10	0,10	0,05
Высокий эгоизм	190	2,34	0,68	3,38	0,58	2,73	0,89			
Низкий эгоизм	270	2,45	0,59	3,47	0,48	2,73	0,71	0,20	0,10	н.з.
Высокое самоуважение	126	2,23	0,64	3,33	0,50	2,81	0,78			
Низкое самоуважение	86	2,59	0,62	3,53	0,48	2,79	0,80	0,001	0,01	н.з.
Высокая вера в справедливый мир	194	2,44	0,62	3,28	0,61	2,97	0,74			
Низкая вера в справедливый мир	163	2,39	0,58	3,60	0,37	2,64	0,79	н.з.	0,001	0,001
Преуспевшие	82	2,24	0,63	3,05	0,63	2,99	0,73			
Потерпевшие неудачу	109	2,46	0,59	3,60	0,36	2,63	0,80	0,05	0,001	0,01
Новые бедные	144	2,52	0,61	3,62	0,35	2,73	0,81			
Обеспеченные	162	2,24	0,61	3,25	0,58	2,82	0,78	0,001	0,001	н.з.
Традиционно бедные	55	2,57	0,66	3,60	0,40	2,82	0,87			
Обеспеченные	162	2,24	0,61	3,25	0,58	2,82	0,78	0,01	0,001	н.з.

Примечание: М — среднее, σ — стандартное отклонение.

Низкая способность контролировать события своей жизни, низкая вера в справедливый мир и низкий уровень диспозиционной надежды и оптимизма, перманентно скудные материальные возможности у бедных способствуют образованию негативной самоконцепции личности. По данным нашего исследования, бедные из обеих групп относятся к себе со значительно меньшим уважением, нежели обеспеченные⁶. Больше того, степень самоуважения у малоимущих ниже даже средней величины по всей выборке ($P < 0,01$). Именно негативные аттитюды к себе как менее достойному человеку у бедных способствуют формированию у них фаталистического отношения к жизни и объяснению бедности исключительно в фаталистических и структурных терминах. Позитивный же взгляд на себя, связанный с чувством высокого контроля над жизненными событиями, наоборот, помогает обеспеченным преодолевать трудности, упорно добиваться целей и поддерживать свою репутацию.

Отличаются ли люди, постоянно испытывающие лишения, от более обеспеченных групп особой заботой о своих интересах без учета, а то и с игнорированием интересов других людей? Ведь их эгоизм был бы в какой-то степени оправдан изнурительной депривацией. Однако, как показывают данные и первого, и второго исследования, бедные из обеих групп не отличаются эгоизмом, зато обеспеченные оказались более эгоистичными, они-то как раз склонны пренебрегать интересами других ради достижения своих целей⁷. Хотя обеспеченные и малоимущие не отличаются в своих атрибуциях ответственности за бедность по индивидуалистическим факторам, обеспеченные все же меньше приписывали ответственность структурным и фаталистическим факторам, нежели новые и традиционно бедные респонденты. Новые и традиционно бедные близки по своим личностным качествам и формам атрибуции ответственности за бедность. Незначительное отличие связано с сохранением несколько большего самоуважения и большей диспозиционной надежды у новых бедных по сравнению с людьми, жившими бедно всегда.

Можно заключить, что бедные из обеих групп по своим личностным качествам в основном негативно определяют свою личность (низкое самоуважение), не стремятся управлять обстоятельствами своей жизни (высокая экстернальность), скорее ожидают негативные результаты и испытывают низкое чувство возможного (пессимизм и низкая степень надежды), меньше верят в справедливость мира и заботятся о собственных интересах (низкий эгоизм). Бедные из обеих групп не склонны приписывать ответственность за материальные лишения самим малоимущим, видя решение проблемы полностью во внешней среде или возлагая вину на фаталистические стечения обстоятельств.

⁶ Этот вывод также подтвердился во втором исследовании, когда мы использовали полную версию шкалы самоуважения: у новых бедных средняя величина самоуважения равнялась 29,38 ($\sigma = 4,06$), у обеспеченных – 32,22 ($\sigma = 3,91$), $P < 0,001$.

⁷ Более высокий эгоизм у обеспеченных респондентов очередной раз демонстрирует, что эгоизм представляет собой антидепривационную стратегию поведения и что его смысл состоит как раз в том, чтобы добиться большего достатка [31, с. 36].

Стратегии совладания с экономической депривацией определяются здесь как когнитивные и поведенческие усилия индивида управлять специфическими требованиями кризисной ситуации, которые превышают его собственные ресурсы. Анализ корреляционной матрицы и факторизация данных шкалы «Стратегии совладания с материальными трудностями» показали, что в условиях длительного экономического кризиса индивид применяет десятки микростратегий, используя при этом одновременно сочетание нескольких стратегий. В табл. 6 приведены 14 стратегий совладания с экономической депривацией для разных ситуаций. В отличие от бедных обеспеченные респонденты используют исключительно эффективные способы совладания с экономической недостаточностью: рационально когнитивную, рационально поведенческую стратегии и способы личностной адаптации. Эти стратегии включают анализ ситуации, разработку плана действий, попытку дополнительно подработать, поиск высокооплачиваемой работы и изменение некоторых личностных свойств для решения конкретных задач. В целом, большинство обеспеченных считает, что могут найти много способов выхода из затруднительного положения (90%). (Так считали лишь 33% традиционно бедных и 58% новых малоимущих.) При этом 85% обеспеченных респондентов утверждали, что они энергично преследуют свои цели, в то время как число целеустремленных среди новых бедных составляло 57%, а среди традиционно малоимущих — 35%.

Для бедных более характерны пассивные формы совладания с материальными трудностями: отстраненное принятие ситуации; ожидание какого-то события или чуда; бесплодное мечтание; смирение и бездействие; стойкое перенесение трудностей; жесткая экономия, отказ от потребления и самообслуживание членов семьи; наконец, избегание общения либо обвинение и поиск виновных. Преобладание негативных мыслей и обвинительной стратегии сочетаются у них с отсутствием продуктивных способов преодоления трудностей. Как заметил Сесброн, «при несчастье сильный ищет выхода, слабый — виноватого» [40, с. 278]. У терпящих социальную неудачу, как правило, слабые ресурсы (личностные, социальные, материальные и др.) для эффективного преодоления трудностей. Изогранный поиск неудачниками виновников своего неблагополучия объясняется, с одной стороны, попыткой оправдать свою неудачу, а с другой — в какой-то мере сохранить самоуважение. Бедный человек обычно накапливает неудачный опыт совладания с трудностями, что впоследствии приводит к беспомощности и пассивности. Кроме того, бедность вызывает состояния постоянной депрессии, напряжения и подавленности, следствием которых зачастую являются предубежденность и переадресовка гнева на других людей.

Можно даже сказать, что неэффективные формы поведения «запрограммированы» в самой бедности. Отметим также, что бедность сама по себе малопривлекательна. Отталкивает не столько даже образ бедного (плохо одетого, плохо питающегося и т. д.) человека, сколько пессимизм, беспомощность и депрессивный стиль его поведения. Это является одной из причин, по которой бедные получают меньше помощи, нежели обеспеченные люди. Например, по нашим данным, пессимисты и оптимисты в одинаковой мере нуждались в помощи (38% и 39%), но получили в реальности помощь 29% оптимистов и 19% пессимистов.

Таблица 6

Средние величины стратегии совладания с экономической депривацией у бедных и обеспеченных респондентов (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г.)

Стратегии совладания с экономической депривацией	Традиционно бедные (n = 55)		Новые бедные (n = 144)		Обеспеченные (n = 162)		Разность средних оценок	
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	M ¹ -M ³	M ² -M ³
1. Стратегия отстраненного принятия ситуации [°]	4,02	1,20	3,83	1,24	3,53	1,30	0,49	0,30
2. Стратегия пассивной надежды [°]	3,83	1,10	3,71	1,40	3,28	1,13	0,55**	0,43**
3. Стратегия стойкости и самообладания [°]	5,32	0,81	4,90	1,04	4,92	1,03	0,40**	-0,02
4. Стратегия поиска социальной поддержки ^{°°°°}	12,33	3,93	12,65	3,50	11,51	3,05	0,82	1,14**
5. Стратегия самовывживания [°]	4,63	0,94	4,58	0,91	3,90	1,25	0,73*	0,68*
6. Стратегия личностной адаптации [°]	2,83	1,15	3,10	1,08	4,20	1,29	-1,37*	-1,10*
7. Рациональная когнитивная стратегия ^{°°°}	7,80	2,05	8,42	1,92	8,75	1,78	-	-0,33
8. Рациональная поведенческая стратегия ^{°°}	4,43	1,57	5,23	1,66	5,89	1,91	-1,46*	0,66**
9. Стратегия позитивного мышления [°]	3,92	1,29	3,94	1,36	3,80	1,28	0,12	0,14
10. Стратегия атрибуции вины на себя и на других [°]	3,21	1,20	3,37	1,20	2,71	1,05	0,50**	0,66*
11. Стратегия избегания [°]	3,50	1,11	3,56	1,05	2,91	0,86	0,59*	0,65*
12. Стратегия депривационной адаптации [°]	4,00	0,72	4,38	0,91	3,25	0,92	0,75*	1,13*
13. Стратегия смирения и бездействия ^{°°}	4,15	1,27	4,52	1,47	3,58	0,99	0,57**	0,94*
14. Стратегия бесплодного мечтания [°]	4,50	1,38	4,42	1,28	3,79	1,47	0,71**	0,63*

Примечания: 1. ° Индекс: 2→6; °° Индекс: 3→9; °°° Индекс: 4→12; °°°° Индекс: 8→24.; 2. *P < 0.001; **P < 0,01.

Изменения в жизни и общая ее оценка. Группу «традиционно бедных» составляют в основном пенсионеры, рабочие и служащие государственного сектора экономики (в сумме 67,2%). Сюда входят также представители всех других категорий опрошенных: руководители учреждений, студенты, безработные и служащие частного сектора (всего 55 чел.). К «новым бедным» относятся главным образом безработные, пенсионеры и рабочие (в сумме 79,8%), в то же время здесь есть представители и других групп: служащие государственного и частного секторов экономики, студенты и даже руководители (всего 144 чел.). В группу обеспеченных вошли все категории опрошенных, однако здесь преобладают руководители учреждений, служащие частного сектора экономики, студенты (74,7%). Среди обеспеченных в ос-

новном респонденты с высшим или незаконченным высшим образованием (80%); их родители также имели более высокое образование (высшее образование у 55% отцов и 48% матерей). Большая часть обеспеченных выросла в состоятельных семьях (80%); они убеждены, что их дети также будут жить в достатке (70%). Доход этой категории опрошенных складывается не из одной зарплаты: 38% обеспеченных имеют дополнительную работу. Малоимущие респонденты реже подрабатывают дополнительно (дополнительные приработки имели 23% из числа новых и 24% из числа традиционно бедных). По сравнению с обеспеченными у бедных существенно ниже и образовательный уровень: только 32% среди новых и 38% среди традиционно бедных имеют высшее или незаконченное высшее образование. Родители малоимущих также имели более низкий уровень образования, нежели родители обеспеченных респондентов (высшее или незаконченное высшее образование имели: мать — у 12% новых и 22% традиционно бедных; отец — у 37% новых и 25% традиционно бедных). Большинство новых малоимущих выросли в обеспеченных семьях (76%), лишь половина из группы традиционно бедных воспитывались в благополучных в материальном отношении семьях (52%). Однако как новые, так и старые бедные весьма пессимистично прогнозируют экономическую состоятельность своих детей: только 28% новых и 26% традиционно бедных считают, что их дети будут жить в достатке.

Можно предположить, что бедность, равно как и обеспеченность, в некоторой степени воспроизводится. Обеспеченные респонденты большей частью воспитывались в экономически благополучных семьях, их родители имели более высокий уровень образования, и они сами будут вкладывать деньги в воспитание и образование своих детей, в конечном итоге, в социальный успех своего потомства. Большинство же малоимущих уже видят социальную неудачу собственных детей, так как сами они в большинстве своем выросли в семьях с низкими экономическими, социальными и интеллектуальными возможностями. К тому же они не располагают средствами для воспитания и образования своих детей. Можно, конечно, сделать скидку на экономический кризис в стране. Но в России каждое поколение в той или иной степени сталкивается с кризисом. Между тем преуспевшие и потерпевшие неудачу во времена кризиса отличаются своими адаптивными личностными ресурсами, заложенными еще в семье [41, с. 148].

Вернемся к сравнительному анализу перемен в жизни бедных и обеспеченных респондентов. Как новые, так и традиционно бедные утверждали, что у них за период экономической реформы ухудшились и материальное (соответственно 92% и 80%), и социальное положение (83% и 69%). За данный период потерпело неудачу совсем незначительное количество обеспеченных людей: у 9% ухудшилось материальное положение (улучшили 62%), у 7% понизился социальный статус (повысили 54%). Главное, большинству малоимущих не удастся найти место в сегодняшней жизни (55% традиционно и 56% новых бедных), тогда как 54% обеспеченных довольны тем, что нашли себе успешное применение в сегодняшней обстановке (не удалось найти место 3%). Показательно, что 37% обеспеченных идентифицируют свои дела с настоящим и еще 27% ориентированы на будущее. Бедные же скорее ориентированы на прошлое или не могут определить свое временное предпочтение. Больше того, временная перспектива экономически несостоя-

тельных сильно укорочена — до 1-2 месяцев (42% новых и 46% традиционно бедных) или она у них не определена (30% и 36% соответственно). То есть свыше 70% малоимущих не могут целенаправленно планировать свою жизнь далее чем на 1-2 месяца (60% обеспеченных имели временную перспективу на полгода и более).

Таблица 7

Средние величины изменений в жизни у бедных и обеспеченных респондентов (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г.)

Индикаторы изменений в жизни, шкальные значения	Традиционно бедные, N = 55		Новые бедные, T = 144		Обеспеченные, N = 162		Разность средних оценок		Вся выборка (N = 700)	
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	M ¹ -M ³	M ² -M ³	M	σ
Изменение мнения о самом себе (1→4)	2,27	0,95	2,46	0,97	3,08	0,89	-0,81*	-0,62*	2,79	0,97
Изменение в социальном положении (1→4)	1,69	1,10	1,34	0,78	3,34	0,87	-1,65*	-2,00*	2,34	1,22
Изменение в материальном положении (1→4)	1,47	0,98	1,16	0,59	3,39	0,93	-1,92*	-2,23*	2,08	1,27
Изменение в состоянии здоровья (1→4)	1,46	0,88	1,58	0,89	2,37	0,98	-0,91*	-0,79*	1,91	1,03
Изменение во взаимоотношениях с окружающими (1→6)	3,07	1,15	3,10	1,22	3,89	1,20	-0,82*	-0,79*	3,54	1,20
Стала ли жизнь лучше или хуже? (1→5)	2,56	0,99	2,00	0,67	3,72	0,82	-1,16*	-1,72*	2,81	1,05
Удалось ли найти место в сегодняшней жизни? (1→5)	2,66	1,09	2,40	0,81	3,61	0,71	-0,95*	-1,21*	3,00	0,93

Примечание: *P < 0,001.

Таблица 8

Средние величины оценки своей жизни бедными и обеспеченными респондентами (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г.)

Индикаторы субъективного благополучия, шкальные значения	Традиционно бедные, N = 55		Новые бедные, N = 144		Обеспеченные, N = 162		Разность средних оценок		Вся выборка N = 700	
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	M ¹ -M ³	M ² -M ³	M ³	σ ³
Настроение в последние дни (1→6)	2,75	1,25	2,76	1,21	4,32	1,05	-1,57*	-1,56*	3,49	1,32
Ощущение счастья (1→4)	1,47	0,72	1,40	0,70	2,44	0,93	-0,97*	-1,04*	1,89	0,96
Удовлетворенность жизнью (1→5)	2,18	0,95	2,23	0,91	3,64	0,88	-1,46*	-1,41*	2,89	1,09
Удовлетворенность социальным положением (1→5)	2,24	1,25	2,12	0,88	3,72	1,05	-1,48*	-1,60*	2,88	1,19
Удовлетворенность материальным положением (1→5)	1,66	0,62	1,16	0,59	3,24	1,02	-1,58	-2,08*	2,27	1,06
Удовлетворенность состоянием здоровья (1→5)	2,26	1,11	2,59	0,99	3,63	1,00	-1,37*	-1,04*	3,02	1,11
Чувство усталости (1→4)	3,29	0,63	2,91	0,77	2,54	0,77	0,75*	0,37*	2,79	0,80
Чувство отвергнутости, ненужности, забывости (1→5)	3,47	1,23	3,47	0,96	1,84	0,94	1,63*	1,63*	3,34	1,19

Примечание: *P < 0,001

Наряду с позитивными изменениями в жизни обеспеченных у них улучшается самооценка и взаимоотношения с окружающими; вместе с негативными переменами в жизни бедных у них снижается самооценка и ухудшаются взаимоотношения с окружающими. Причем все перемены в жизни малоимущих имеют отрицательный вектор по сравнению со средними данными

ми по всей выборке, а все перемены у обеспеченных являются более позитивными, чем у всех опрошенных (см. табл. 7).

Социальная неудача малоимущих переживается остро. Бедные из обеих групп больше выражают неудовлетворенность всеми аспектами жизни, они ощущают себя несчастливыми, чаще чувствуют усталость, менее довольны состоянием своего здоровья, им кажется, что они никому не нужны и отвергнуты обществом, у них зачастую подавленное, угнетенное настроение (см. табл. 8). Между тем все индикаторы субъективного благополучия обеспеченных групп респондентов выше средних показателей по выборке.

Индикаторы депривации и достатка. В группу бедных были включены те, у кого был самый низкий уровень потребления продуктов питания и одежды, чей среднедушевой доход в месяц был ниже прожиточного (физиологического) минимума по городу или равнялся ему. Все бедные (как новые, так и традиционно малоимущие) питались плохо, недоедали либо питались скромно, покупая продукты подешевле. Около 40% бедных из обеих групп испытывали чувство голода в течение последнего месяца из-за нехватки денег, около 40% малоимущих также сообщили, что из-за отсутствия средств бывает, что они не завтракают, или не обедают, или не ужинают. Все 100% бедных одевались плохо, носили старые, немодные вещи или покупали одежду подешевле. 77% новых и 86% традиционно малоимущих не имели необходимого домашнего имущества или оно было в плохом состоянии. Из-за нехватки денег около 95% бедных отказались от платных бытовых услуг. По этой же причине не посещали парикмахерские 85% новых и 96% «старых» малоимущих; 96% бедных отказались от подписки на газеты и журналы, 82% – от отдыха во время отпуска; от 86% до 99% не посещали театры, музеи и кинотеатры; от 56% до 66% воздерживались от приема гостей или не могли ходить в гости. Как видно из табл. 9, в среднем 78% обеспеченных респондентов имели полный или значительный достаток в 18 сферах потребления. Нет особой необходимости подробно анализировать эти цифры, поэтому обратимся к табл. 10, где содержатся данные о потреблении 14 основных видов продуктов питания. Глубина депривации, как правило, достигает значительных размеров, если население начинает постоянно себя ограничивать в потреблении основных продуктов питания. По нашим данным, малоимущие из обеих групп действительно испытывали в момент проведения исследования серьезные лишения. Так, из-за отсутствия денег 58% новых и 73% традиционно бедных постоянно или часто ограничивали себя в потреблении мяса. Редкими были в их семьях колбаса, сосиски (40% и 56% соответственно), фрукты (57% и 64%), сыр (48% и 49%), даже молоко (40% и 38%). Основными продуктами питания беднейших являлись картофель, хлеб, растительное масло и сахар (от 42% до 68% опрошенных).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первый вывод, во многом очевидный, состоит в том, что большинство опрошенных видят причины бедности в несовершенстве социальной организации, то есть возлагают ответственность за бедность в стране на структурные факторы. Такое понимание истоков экономической депривации таит в себе недовольство распределительной системой и имеет латентную конфликтную перспективу. Целое поколение растет в дезорганизованном мире,

а значительная часть населения полжизни проводит в период неудачных политических и экономических реформ. Не приводят ли постоянные институциональные неудачи к формированию фаталистического отношения к жизни, психологии неудачника? Бедность ведь и есть интегральное выражение социальной неудачи. Второй вывод исследования – возрастание фаталистического объяснения бедности. Население все больше воспринимает бедность как неизбежную, predeterminedенную в пределах нашей страны форму жизни. Как структурное, так и фаталистическое объяснение причин бедности освобождает индивида от ответственности за свою экономическую неудачу, ослабляет мотивацию, делает бессмысленными всякие усилия. Третий вывод касается личностных свойств неимущих. Существует распространенное объяснение бедности, базирующееся на якобы характерной для россиян лени, пьянстве и низкой мотивации к труду. Этот миф нередко эксплуатируется разными структурами, пытающимися оправдать свою несостоятельность. Однако реальная жизнь, жесткая экономическая депривация семьи диктуют способы реагирования, быть может, иррациональные, но нацеленные на выживание. Использование целого арсенала методик показывает, что бедным свойственно воспринимать себя как не имеющих власти над обстоятельствами своей жизни. Поскольку количество бедных постоянно увеличивается, увеличивается и количество людей с экстернальным локусом контроля. Бедным свойствен целый ряд черт, парализующих их активность: низкое чувство возможного (низкая надежда), ожидание негативных результатов и пессимистический стиль поведения, неверие в справедливость, низкая самооценка личности, влияющая на уровень притязаний и мотивации.

Все это, возможно, является результатом постоянных лишений и частых неудач в попытках преодолеть бедность. Так или иначе, социальный опыт и навыки преодоления материальных трудностей у бедных неэффективны и ориентированы на выживание, а не на преодоление бедности. Четвертый вывод касается масштаба реальной депривации бедных и их оценки своей жизни. По сравнению с другими регионами Петербург является одним из «благополучных» уголков России, где все-таки есть рынок труда, где не задерживают зарплату и пенсию, где пока не отключают электричество и отопление.

Однако депривация бедных достигает и здесь значительных размеров. Большинство новых и традиционно бедных отказывают себе в потреблении мяса, колбасы, сыра, фруктов и даже молока, основными продуктами питания у них являются картофель и хлеб. Кроме того, малоимущие постоянно испытывают трудности в покупке одежды, домашнего имущества, в исполнении обычных социальных обязанностей. Большинство и новых, и традиционно бедных находятся в депрессивном состоянии, ощущают себя несчастными, постоянно чувствуют усталость, им кажется, что они никому не нужны и отвергнуты обществом.

В такой ситуации индивидуализировать причины бедности, то есть возложить ответственность за нее и решение проблемы на самих неимущих, бессмысленно и неэффективно. Неимущие сами не располагают ни личностными, ни социальными, ни материальными ресурсами для преодоления бедности. Продуктивные социальные навыки, позитивно ориентированный тип личности формируются только в условиях социального порядка и возрожденной экономики, обеспечивающих мотивацию созидания и достижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муздыбаев К.* Динамика уровня жизни в Петербурге. СПб.: Смарт, 1995.
2. *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: A survey of household resources and standards of living. L.: Allen Lane, 1979.
3. *Scott J.* Poverty & wealth: Citizenship, deprivation and privilege. L.: Longman, 1995.
4. *Ferge Zs.* Studying poverty // Dynamics of deprivation / Ed. by Zs. Ferge, S.M. Miller. Aldershot: Gower, 1987.
5. *Weiner B., Frieze I., Kukla A.* et al. Perceiving the causes of success and failure // Attribution: Perceiving the causes of behavior / Ed. by E.E. Jones et al. Morristown, NJ: General Learning Press, 1972.
6. *Агеев В.С.* Атрибуция ответственности за успех или неудачу группы в межгрупповом взаимодействии // Вопросы психологии. 1982. № 6.
7. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л.: Наука, 1983.
8. *Росс Л., Нисбетт П.* Человек и ситуация: Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
9. *Feagin J.R.* Subordinating the poor: Welfare and American beliefs. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1975.
10. The perception of poverty in Europe. Brussels: Commission of the European Communities, 1977.
11. *Payne M., Furnham A.* Explaining causes of poverty in the West Indies: A cross-cultural comparison // Journal of Economic Psychology. 1985. Vol. 6.
12. *Furnham A., Lewis A.* The Economic mind: The social psychology of economic behavior. N.Y.: St. Martins Press, 1986.
13. *Guimond S., Begin G., Palmer D.L.* Education and causal attributions: The development of «person-blame» and «system-blame» ideology // Social Psychology Quarterly. 1989. Vol. 52.
14. *Smith K.B., Stone L.H.* Rags, riches, and bootstraps: Beliefs about the causes of wealth and poverty // The Sociological Quarterly. 1989. Vol. 30.
15. *Wright S.E.* Blaming the victim, blaming society or blaming the discipline: Fixing responsibility for poverty and homelessness // The Sociological Quarterly. 1993. Vol. 34.
16. *Morçöl G.* Lay explanations for poverty in Turkey // The Journal of Social Psychology. 1997. Vol. 137.
17. *Shutz T.R., Jaggi C., Schleifer M.* Assigning vicarious responsibility // European Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 17.
18. *Gans H.* Positive functions of poverty // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 78.
19. *Lewis O.* The culture of poverty // On understanding poverty: Perspectives from the social sciences / Ed. by D.P. Moynihan. N.Y.: Basic Books, 1969.
20. *Iyenger Sh.* Framing responsibility for political issues: The case of poverty // Political Behavior. 1990. Vol. 12.
21. *Kerbo H.R.* Social stratification and inequality. N.Y.: McGraw-Hill, 1983.
22. *Mack J., Lansley S.* Poor Britain. L.: George Allen & Unwin, 1985.
23. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 3.
24. *Муздыбаев К.* Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки. СПб.: СПб. филиал ИС РАН, 1997.
25. *Scheier M.F., Carver Ch.S.* Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology. 1985. Vol. 4.
26. *Snyder, C.R., Simpson S.C., Ybasco F.C.,* et al. Development and validation of the state hope scale // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70.
27. *Муздыбаев К.* Измерение надежды // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4.
28. *Rotter J.B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80.

29. *Муздыбаев К.* Лocus контроля в исследованиях массовой коммуникации // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: ТГУ, 1983.
30. *Rubin Z., Peplau L.A.* Who believes in a just world // *Journal of Social Issues*. 1975. Vol. 31.
31. *Муздыбаев К.* Эгоизм личности // *Психологический журнал*. 2000. Т. 21. № 2.
32. *Rosenberg M.* Self-esteem scale // *Measures of social psychological attitudes* / Ed. by J.P. Robinson., P.R. Shaver. Ann Arbor: Institute for Social Research, 1972.
33. *Островский А.Н.* Бедность не порок // *Собр. соч.*: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1.
34. *Леденева А.* Блат и рынок: Трансформация блата в постсоветском обществе // *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос. 1999.
35. *Хибовская Е.А.* Занятость безработных: Отношение к способам трудоустройства // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1995. № 4.
36. *Социально-экономическое положение России: 1997 г.* М.: Госкомстат РФ, 1997. Вып. XII.
37. *Gurin P., Gurin G., Morrison B.M.* Personal and ideological aspects of internal and external control // *Social Psychology*. 1978. Vol. 41.
38. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y.: Plenum Press, 1980.
39. *Seligman M.* Helplessness: On depression, development and death. San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1975.
40. *Сесброн Ж.* Счастье по пустякам // *Над Сеной и Уазой*. М.: Прогресс, 1985.
41. *Муздыбаев К.* Изменения в качестве жизни населения в ходе либерализации экономики // *Превосходство в бизнесе: Современный и зарубежный опыт*. СПб.: СШЭ, 2000.